

«НАБРОСКИ ПО ПАМЯТИ»

интервью с Ольгой Булгаковой

— Новая выставка в галерее DiDi называется «Наброски по памяти». Многие работы, вошедшие в экспозицию, являются частью одной из поздних серий «Библейские эскизы». Учитывая выбор темы, можно предположить, что речь идет не только о личной памяти человека?

— «Наброски по памяти» — это обязательная штудия в учебном заведении, когда модель уже не позирует, и студенты воспроизводят ее позу, ее положение по памяти. Но я, конечно, память понимаю в данном случае как память историческую, память культурную — не только мою, а память всех людей.

— А почему именно «наброски»?

— Потому что библейская тема является всеобщей для многих поколений во все времена. И попытаться как-то разрешить ее в законченном виде кажется мне невозможным — настолько она глобальна и многозначна.

— То есть эта тема подвержена постоянным трансформациям?

— Да, многие поколения художников — и людей вообще — обращались к библейской теме. И у каждого поколения, у каждой эпохи и отдельно взятого человека было свое представление. Это мое сегодняшнее представление.

— В начале 2000-х годов Вы работали над серией «Архаизмы», в которой неожиданно обратились к чистым абстрактным формам. В тот момент что-то изменилось, и в последующих работах появилась особая витальная мощь и фундаментальность. Можно ли сказать, что этот опыт стал неким поворотным моментом в Вашем творчестве?

— В общем, да. «Архаизмы» — это серия абстрактных холстов, над которой я работала в течение нескольких лет. Человек всегда меняется на протяжении жизни, потому что мир вокруг нас очень изменчив. Мое субъективное восприятие, представление о творчестве, выбор тем, конечно, подвержены изменениям — этот процесс неизбежен. В какой-то момент содержание, которое мне было очень интересно в ранние годы моей работы, вдруг показалось излишним. Захотелось работать с другими категориями — не в категории сюжета, а с более вневременным. И тогда появились «Архаизмы». Отчасти это действительно обращение к первоосновам, вечным содержательным моментам жизни. Кроме того, само отношение к абстрактным формам в наше время изменилось. То, что было революционно в начале XX века, сейчас стало, вольно или невольно, архаизмом. Вот такое двойное название получилось.

— Идея двойственности, неоднозначности очень характерна для Вашего творчества. В работах более раннего периода она раскрывалась через тему театра, сейчас — в библейских сюжетах. Но, кажется, Ваши картины ищут ответа на совсем другие вопросы?

— Скорее, они сами являются в большей степени вопросами, чем попытками дать ответ. Мне кажется, окончательного ответа не может быть. И Библия наполнена неоднозначным прочтением, что делает ее абсолютно великой книгой на все времена. Библейские сюжеты — это как глобальный сценарий, по которому развивается и живет человечество. И на каждом новом витке мы находимся в его пределах. Новое время привносит новые нюансы, но великий сценарий остается неизменным.

— Интересно, что Вы употребляете слово «сценарий»: с «личного», «субъективного» театра раннего периода творчества Вы будто перешли на «общемировую». И Библия предстает как протомиф, набор архетипичных сюжетов, которые присутствуют в настоящем.

— Конечно! Присутствуют в настоящем и присутствовали в прошлом, и будут присутствовать в будущем. Потому что пока существует человечество, эти проблемы все равно будут мучить, и эти ситуации, в которые попадает человек, будут повторяться из раза в раз.

— Несмотря на все изменения и творческие повороты, есть что-то наиболее существенное, что сохраняется на протяжении всего Вашего пути?

— Это непростой вопрос. Наверное, нравственное начало — оно должно быть фундаментом, и человек не должен выходить за его пределы. Взаимоотношения добра, зла, жизни, смерти, любви и ненависти — они все подчинены основному нравственному закону. У каждого человека этот закон собственный, и это определяет ценность личности — то, насколько его нравственная основа прочна, насколько он не отступает от нее. Самое страшное испытание — это противостоять искушению, и сильная личность может это сделать. Если не может, значит, что-то в ней не так.

— Кажется, что и любовь занимает важное место в системе человеческих ценностей?

— Да, любовь в глобальном понимании — это основа жизни. Разные проявления этой любви раскрываются в конкретных, частных случаях взаимоотношений людей. По выражению Данте, «любовь, что движет солнцем и светилами». Это основополагающая сила.

— Эта сила чувствуется во многих работах, особенно в картине «Иоаким и Анна», полной тонких колористических градаций, цветовых переходов...

— Для меня цвет играет одну из важнейших ролей сегодня, поскольку художник взаимодействует с холстом и краской, и цвет является одним из основных способов выражения. Для меня сейчас это более важно, чем работа над тонкостями сюжета, жестов, литературного содержания. Раньше я очень любила подготовительный этап, делала массу набросков и эскизов; искала, как тогда казалось, особый жест, способный выразить тему. А сейчас очень важен сам процесс написания картины — взаимоотношение руки, кисти, краски и холста. В этот момент и рождается эмоциональное содержание работы. Хотя, конечно, некая внутренняя тема все равно присутствует.

— Как вы думаете, искусство может как-то повлиять на жизнь людей, или это больше личная история художника?

— Я думаю, искусство неизбежно влияет на мир, однако преувеличивать эту роль было бы неверно. Конечно, если смотреть на историю человечества, то в нее вплетаются и живопись, и литература, и музыка. Классическая литература формировала людей на всем протяжении веков. Но надеяться, что искусство может изменить мир в лучшую сторону, несколько идеалистично. Иванов думал, что после «Явления Христа народу» человечество изменится. Но человечество, как мы видим, не изменилось и продолжает идти по порочному кругу. Тем не менее, великие произведения существуют.

— Ваш новый проект хронологически связан с последующими выставками в галерее DiDi Александра Ситникова и Натальи Ситниковой. Кажется, у вас втроем сложился не только семейный, но и творческий тандем?

— Конечно, это очень сложное переплетение, но я бы не сказала, что в творчестве мы тесно соприкасаемся друг с другом, скорее, соприкасаемся в плане общего мироощущения. Отсюда, возможно, что-то общее и в творчестве. Влияем ли мы друг на друга? Наверное, это неизбежно. Очень важно, когда есть рядом человек, с которым можно разделить свои основные представления о мире.

Интервью записано Анжеликой Деминой,
искусствоведом галереи DiDi
09.2018